УДК 321:01 DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-2-27-34

МУЛЬТИПАРАДИГМАЛЬНАЯ ТРАКТОВКА СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Скорик Александр Павлович доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (346428, Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132) E-mail: s_a_p@mail.ru

Невесёлов Александр Александрович кандидат юридических наук, доцент кафедры публично-правовых дисциплин, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (346428, Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132) E-mail: spirit2008net@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается одна из ключевых проблем теории государства и права о сущности государства. Авторы стремятся расширить существующие теоретические представления о предназначении государства. Для этого применяются, помимо традиционного критерия социально-политического интереса, для прояснения сущности государства используются: критерий социально-организационной устойчивости и критерий влияния различных религиозных систем. Это позволяет представить многоаспектную сущность современного государства.

Ключевые слова*: государство; интерес; интерпретация; качественные характеристики; клерикализация; общество; право; сущность; теория; функция.*

Традиционно сущность государства определяется, исходя из исследовательской практики применения критерия социально-политического интереса. Принято говорить о двух генерализующих сторонах сущности государства: классовой и общесоциальной. Длительное время такой методологический подход в теории государства и права оставался вполне приемлемым, хотя в последние десятилетия качественно изменилось само понятие «класс», да и теория государства и права сделала существенный шаг вперёд по многим направлениям в осмыслении своего базового объекта научного дискурса – государства. Разберёмся во всём по порядку.

Итак, вначале о том, что такое сущность государства, как собственно мы понимаем её смысловые перспективы. С общеметодологических позиций под сущностью любого социального явления подразумевается определённая совокупность наиболее важных, устойчивых, глубинных связей, общественных отношений и внутренних закономерностей, присущих данному социальному явлению, и характеризующих его главные черты и тенденции развития. Если говорить о государстве, то его сущность представляет собой главный стержень, центральное ядро, саму сердцевину государства. В телеологическом плане сущность государства презюмирует базисное содержание, генерализующие цели, функционирование и предназначение государства в обществе.

Мультипарадигмальная трактовка сущности государства позволяет нам, помимо критерия социально-политического интереса, использовать другие критерии

для выяснения сущности государства. К числу таких дифференцирующих критериев сущности государства следует отнести критерий социально-организационной устойчивости, который даёт возможность прояснить сущность государства с иных позиций, с позиций организующего начала государства.

С точки зрения социально-организационной устойчивости, сущность государства приобретает три базисных, качественных характеристики. Во-первых, государство предстаёт как универсальная социальная организация. Во-вторых, государство выступает в обществе как своеобразный социальный арбитр. В-третьих, государство воплощает в себе легализованное государственное принуждение.

Универсализм социальной организации государства заключается в изначальных возможностях государства реализовать в обществе большинство общественно значимых функций. Прежде всего, организационные качества государства, как ни одной иной социальной организации, позволяют государству предельно чётко консолидировать в рамках своей территории всех субъектов права, которые, в свою очередь, делятся на две большие категории, на физических и юридических лиц. К числу физических лиц относятся: отдельный человек – гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства и другие субъекты правоотношений. В ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическое лицо трактуется как «организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде» [1]. Далее можно многократно уточнять характер имущественных и личных неимущественных прав, анализировать наличествующие отношения собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления обособленным имуществом и т.д., но это уже будет совершенно другой пласт проблем.

Государство как социальная организация обладает несомненным приоритетом перед другими социальными организациями с самого момента своего возникновения, а зачастую оно опережает их по времени появления. Государство более глобально по сравнению с иными социальными организациями в территориальном плане, даже если последние распространяют свою деятельность по масштабу на всю территорию государства. Другие общественные объединения находятся в той или иной зависимости от государства, несмотря на то, что они могут не разделять цели и задачи государства, или же вовсе борются против него. Физические лица, как правило, имеют реальную возможность покинуть государство, отказавшись по тем или причинам от статусного положения гражданства и эмигрировав из данной страны. Однако радикальным образом разорвать все без исключения связи с государством вряд ли получится, если в прежнем государстве, например, остаются частная собственность, или родственники, друзья, иные лица, ибо любые контакты с прежней родиной, так или иначе, осуществляются через посреднические каналы самого государства, или ассоциированных с ним структур. Да, юридические лица неизбежно выходят из-под мощной власти государства, прекращая своё существование, но эти процессы в современном мире оказываются настолько сложны, что, образно говоря, просто «хлопнуть дверью» и уйти в никуда не получится. Тем самым, государство как форма организации общественной жизни выступает неизменным спутником человека и обеспечивает опредмечивание знаковых результатов его деятельности.

Социально-организационную устойчивость государства характеризует концепция государства-арбитра. Прежде всего, это связано со сложной и весьма противоречивой структурой общества, которая в процессе своей эволюции отнюдь не становится хоть немного проще. В любом обществе всегда были, есть и будут социальные группы и отдельные личности, предрасположенные к заметному отступлению

от признанных норм социальной справедливости. Такие субъекты выражают повышенные притязания на некоторую существенную долю общественного продукта, которую они хотели бы себе присвоить. Неправомерное отчуждение выступает одной из главных причин формирования общественной необходимости в наличии социального арбитра. Причём, наличествует общая заинтересованность личностей и социальных групп именно в беспристрастном арбитре, функции которого делегируются государству, прежде всего, это функции распределительного характера. Арбитраж, в том числе с правом радикального вмешательства, в отношении общественных ценностей (образование, здравоохранение, природные ресурсы и пр.) требует регулирующей роли государства в их справедливом распределении между различными группами и личностями, а, случае необходимости, проведения перераспределения общественного продукта.

Осуществление государством социально-политического арбитража связано с предоставлением от имени государства определённых гарантий одним субъектам (например, пенсий, пособий по безработице, страховых выплат и пр.) и с установлением государственных ограничений для других лиц. Скажем, в целях создания слоя мелких земельных собственников в Японии принимается в 1952 г. закон о земле. Он вводил определённые ограничения на максимум землевладения и землепользования, на размер арендуемых площадей, на юридическую процедуру перехода прав на землю из рук в руки, и т.д. После решения поставленной задачи основная часть установленных ограничений отменяется в 1970 г. Подобные ограничительные меры государства служат интересам всего общества, хотя они в той или иной мере ущемляют наличествующие интересы отдельных социальных слоёв. Вместе с тем, регулирующая роль государства позволяет смягчить социальные столкновения различных сил в обществе, снять остроту возникшего конфликта интересов. Осуществляемые государством мероприятий по предоставлению социальной помощи и оказанию поддержки одним группам и действия государства по ограничению интересов других лиц и групп имеют вполне законные основания, ибо они закреплены в конституциях и законах современных государств.

Тем не менее, арбитражная функция государства в рамках выполнения изначальных требований беспристрастности на деле сталкивается с желанием каждой социальной группы иметь ангажированного арбитра, отстаивающего интересы вполне определённого сообщества. Действующие в современных государствах группы давления оказывают влияние на процесс принятия решений государственными органами, корректируют деятельность государственных должностных лиц, продавливают нужные решения через парламент. Наиболее ярким и демонстративным примером в этом отношении выступает официальное функционирование лоббистов в парламентских кругах США, где они на законном основании отстаивают свои узкогрупповые интересы в законотворческом процессе.

Социально-политический арбитраж стал достаточно динамичным явлением в современном государстве, и он активно изменяет своё направление, в прямой зависимости от силы оказываемого давления на власть и от проводимых государством практических мероприятий. В итоге государство-арбитр зачастую демонстрирует явную пристрастность в своих действиях. Складывается прямолинейная зависимость арбитражных усилий государства: возрастание силы давления и наличие возможностей поддерживать и/или наращивать такое давление создаёт и усиливает преимущества определённой группы в обществе. С другой стороны на действия государства-арбитра влияет очевидная закономерность: неудовлетворение обоснованных социальных притязаний других групп является питательной почвой для возникновения конфликтов в обществе, в том числе, достаточно кровавых. Это обстоятельство воз-

вращает государство к поиску разумного социального равновесия. Но здесь государство-арбитр подстерегает уже другая крайность в виде попыток распределения излишних социальных благ, для обеспечения которых у государства нет реальных возможностей. Прямыми следствиями подобной государственной политики являются: падение деловой активности, наступающее замедление темпов экономического развития, подталкивание к экономическому кризису, и т.п. С этих позиций можно рассматривать процесс зарождения в 2008 г. мирового экономического кризиса из-за финансового кризиса в США.

В качестве субсидиарных версий концепции государства-арбитра можно позиционировать сложившиеся традиционные представления о главе государства. Скажем, в литературе и на практике часто встречаются толкования о монархе, стоящем над классами и партиями. Или близкие по смыслу к обозначенным позициям интерпретации о президенте-арбитре. В п. 2 ст. 80 действующей Конституции Российской Федерации прямо записано: «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина». И далее чётко определяется арбитражная функция Президента РФ по отношению к деятельности других государственных институтов: он «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти» [2]. Подобные положения можно встретить и в конституциях других государств, например, во французской Конституции 1958 г.

И, наконец, ещё один важнейший аспект сущности государства с точки зрения социально-организационной устойчивости, это рассмотрение государства как исключительного социального института, наделённого легализованным государственным принуждением. Безусловно, в разной мере теми или иными средствами властного принуждения в отношении отдельных субъектов социальных отношений обладают и другие социальные институты, кроме государства. Скажем, любая политическая партия вполне может объявить партийное взыскание (наказание морального характера) своему приверженцу, входящему в её состав на правах постоянного члена. Более того, в качестве наказания политическая партия вправе исключить недостойного прозелита из своих рядов. Совершенно иная ситуация складывается в процессе функционирования государства. Так, государство и уполномоченные им в законном порядке государственные органы имеют право применять легализованное государственное принуждение от имени всего общества, насильственным образом подчиняя членов сообщества установленным государством правилам, даже если эти законные нормы расходятся с убеждениями данных людей. В этих целях используется наличествующая публичная политическая власть, подключаются возможности специального аппарата принуждения, имеющегося в государстве.

В работе «Политика как призвание и профессия» (1919) Макс Вебер предложил трактовку социального института государства, в которой подчеркнул значение делегируемого монопольного права государства на легитимное применение им насилия в обществе. Вебер разрабатывал различные способы социально насущной легализации применяемого государственного принуждения, и в качестве одного из таких способов легализации он обозначил устрашение. Причём, государства и сегодня нередко используют методы устрашения для того, чтобы предотвратить вероятностные нарушения установленных тем же государством стандартов общественного поведения отдельными лицами, социальными группами, разного рода организациями и учреждениями.

Тем самым, государство, наделённое по природе своей легализованным государственным принуждением, при выяснении вопроса о сущности государства неизбежно оказывается перед дилеммой: функционирует ли данное государство как по-

лицейское государство, или же оно сохраняется как демократическое государство?! Без ответа на поставленный вопрос невозможно прояснить сущность рассматриваемого государства.

Другим важнейшим инструментом легализации государственного принуждения выступает право. Обоснование возможности легализованного государственного принуждения становится результатом воплощения законотворческой функции государства. Однако право не является единственным способом легализации государственного принуждения, и даже возможны варианты признания целесообразности государственного принуждения вопреки самому праву. Так, в ходе политических революций формируются новые социальные нормы поведения, вполне допускающие применение насилия со стороны самого государства. Это подтверждает, например, социальная практика Великой Французской революции, когда происходит публичная казнь короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты, функционирует Революционный Трибунал, производится казнь жирондистов и т.д., а в качестве второго органа государства действует Комитет общественной безопасности, собственно и планировавший организацию террора и применение репрессивных мер.

Причём, что важно, легализация государственного принуждения опирается на позитивное общественное мнение в отношении использования принуждения. Общественное мнение предшествует применению насилия, общественное мнение сопровождает государственное принуждение, равно как и общественное мнение предваряет отмену репрессивных мер. Все эти варианты проявляются в функционировании государства. Степень общественной поддержки может быть установлена различными путями, например, проведением социологических опросов, организацией референдумов, утверждением плебисцитом и др. Скажем, французская Конституция 1793 г. ратифицируется в результате позитивного плебисцита 10 августа 1793 г., когда огромное большинство в 1801918 человек проголосовали «за» и только лишь 17610 граждан высказались «против». Эта французская конституция подтвердила своими ключевыми нормами отмену социальной тирании, о чём говорилось ещё в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Как показывает, в частности, опыт Великой Французской революции, очень важно выяснить, насколько применение насилия в данном конкретном случае коррелирует с интересами общества, причём не только с наличествующими ожиданиями общественного большинства, но и как оно защищает (или, по крайней мере, не нарушает) права меньшинства, соотносится с общечеловеческими ценностями. Необходимо также учитывать специфику оценки применяемых процедур по выяснению степени законности государственного принуждения. Ведь, скажем, концентрация государственной власти в Германии исключительно в руках Адольфа Гитлера закреплялась референдумом 19 августа 1934 г. с одобрением действий фюрера 89,93 % электората. На вопрос о целесообразности объединения в Германии государственных постов президента (главы государства) и канцлера (главы правительства) подавляющее большинство (38394848 из 43568886) ответило положительно. Вследствие этого общенационального решения прежние права президента Германии (умершего Пауля фон Гинденбурга) вполне законным образом перешли к вождю (фюреру) и государственному канцлеру (рейхсканцлеру немецкого народа) Адольфу Гитлеру, официально занявшего эту объединённую государственную должность (Führer und Reichskanzler des deutschen Volkes).

Безусловно, легализованное государственное принуждение в подобных условиях фактически (де-факто) уступает место открытой тирании и законодательно оформленному (де-юре) насилию после произошедшей узурпации власти, причём именно государство становится инструментом осуществления тирании и насилия, придавая определённую легитимность проводимым репрессивным мерам. Соответ-

ственно, с точки зрения сущности государства, формируется тенденция перехода к полицейскому государству в его крайней форме тоталитарного фашистского государства.

Легализованное государственное принуждение закрепляется в юридических гарантиях государственного суверенитета, а «они направлены на защиту правовой системы государства. Концептуально это обосновано тем, что именно с помощью правовых средств обеспечиваются национальные интересы в сфере экономики, экологии, оборонной и других областях. Юридические гарантии одновременно выступают и в качестве фактора, ограничивающего деятельность государства – так, правовая форма таких гарантий способствует обеспечению прав граждан и их защите от произвола со стороны государства в его стремлении защитить свою независимость и верховенство» [3, с. 65].

Многогранная сущность государства может быть рассмотрена с точки зрения оказываемого влияния различных религиозных систем, воздействия на государство религиозной догматики, сосредоточенной не только в мировых религиях, но и в выходящей за пределы мировых религий социальной реальности. С общетеоретических позиций для государства в принципе важна не столько воздействующая на него религиозная система, а, прежде всего, отношение к ней самого государства. Тогда религиозная сущность государства проявляется в следующих вариантах: атеистическое государство (такое государство не просто отрицает религию, но и активно борется с любыми религиозными явлениями в обществе, в том числе, с религиозными организациями), светское государство (такое государство публично демонстрирует толерантное отношение к религии по принципу «церковь отделена от государства, а государство отделено от церкви»), клерикальное государство (такое государство подчёркивает разумное сочетание интересов церкви и государства, взаимодействие государственных институтов с церковной организацией, которая реализует часть присущих государственных функций и получает прямую бюджетную поддержку от государства), теократическое государство (такое государство предполагает безраздельное политическое лидерство церковной организации и полный церковный контроль деятельности государства).

Религиозная сущность государства повышает жизненные возможности населяющих его народов, зачастую делает довольно могущественными страны, где церковь причастна к функционированию политического класса. В свою очередь, общество в условиях воздействия на него религиозной системы поддерживает общественное устройство, при котором государство и иные социальные институты учитывали бы преобладающие в стране религиозные общественные настроения. В результате на государственном уровне происходит закрепление вполне определённого отношения к конкретной религии, с учётом позитивного или же негативного её влияния на государство, причём характер этого влияния и фиксируется в сущности государства. Коллизия состоит в том, станет ли государство одним из самых главных религиозных проповедников, или же, в худшем для религиозной организации случае, будет её ограничивать, в том числе, занимаясь её уничтожением. Предельная религиозная сущность государства воплощается в теократическом государстве, где конкретная религиозная организация играет главенствующую роль. Как и любой иной социальный институт, церковь стремится к укреплению своих позиций в обществе, поэтому она обречена на взаимодействие с государством. Проблема заключается в том, чтобы взаимообогащение культурно-исторического характера не переросло в нечто большее. В современном мире большинство государств однозначно фиксируют свой светский характер, закрепляют конституционно-правовой статус светского государства, чем и ограничивают свою религиозную сущность. Однако, реальная

грань взаимодействия государства с церковной организацией достаточно подвижна, а соответственно степень сближения государства с церковью получается различной. Нередко в современных государствах наблюдается тенденция клерикализации государства, остающегося при этом по конституционно-правовому статусу светским государством. Церковь всегда занимала свою экологическую нишу в обществе, продуцировала свой характерный ландшафт, сохраняя своё социально-культурное своеобразие. Вместе с тем, религиозная сущность государства не устойчива, она далеко не всегда жёстко проявляется, а, соответственно, имеет определённую историческую и социальную динамику. Но это вовсе не мешает любому обществу сохранять и поддерживать функционирование религиозных систем.

Таким образом, сущность государства является достаточно многоаспектным феноменом в теории государства и права. Она, увы, не сводится исключительно лишь к классовым и общесоциальным началам, о чём можно прочесть в любом вузовском учебнике по теории государства и права. Соответственно к используемому в данном случае критерию социально-политического интереса следует добавить также другие типологизирующие признаки. Критерий социальной организации позволяет рассматривать сущность государства с иных сторон. Социально-организационная устойчивость государства подчёркивает его три базисных качества: как универсальной социальной организации, как своеобразного социального арбитра, как воплощённое легализованное государственное принуждение. Кроме того, сущность государства вполне может быть рассмотрена с точки зрения оказываемого влияния на государство различных религиозных систем и отношения самого государства к религиозной догматике, сосредоточенной не только в мировых религиях, но в совокупности верований, выходящих за социокультурные пределы мировых религий. Безусловно, на сущность государства оказывают влияние и иные факторы: исторические, географические, культурные и пр. Однако, на наш взгляд, даже вышеизложенные стороны сущности государства значительно расширяют представления о рассматриваемом понятии теории государства и права, хотя любое из вышеназванных начал в разной степени оказывает воздействие на государство, тем самым, проясняя в том или ином варианте его сущность.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017).
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. *Мамедов Р. В*. Конституционно-правовая природа суверенитета // Новый юридический журнал. 2013. № 2.

Skorik Aleksandr Pavlovich, Doctor of Science (History), Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Russian History, South-Russian State Technical University (NPI), named by M. I. Platov, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (132, Prosveshcheniya st., Novocherkassk, 346428, Russian Federation). E-mail: s_a_p@mail.ru

Neveselov Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Law, docent of the Department of Public and Law Academic Disciplines, South-Russian State Technical University (NPI), named by M. I. Platov (132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, 346428, Russian Federation)
E-mail: spirit2008net@mail.ru

MULTIPARADIGMATIC INTERPRETATION OF THE ESSENCE OF THE STATE

Abstract

The article considers one of the important problems of the theory of state and law. This is a problem of the essence of the state. The authors seek to expand existing theoretical ideas about the state's purpose. For this, traditional criteria of socio-political interest are applied. To clarify the essence of the state, the criterion of socio-organizational stability and the criterion of the influence of various religious systems are used. This allows us to present the multidimensional essence of the modern state.

Keywords: *The state; interest; interpretation; Qualitative characteristics; Clericalization (the influence of the church); society; law; essence; theory; function.*

УДК 332.1 (479.24) DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-2-34-44

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛЕНКОРАНСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Керимов Бахман Бахрам оглы кандидат исторических наук, ведущий научного сотрудник Национального Музея Истории Азербайджана Национальной Академии Наук Азербайджана
(AZ1005, Баку, Сабаил, Гаджи Зейналабдин Тагиев, 4)
E-mail: behmen_76@mail.ru

Аннотация

В статье впервые в комплексном ракурсе рассмотрены ряд проблем истории Ленкоранского уезда – территориально-административной единицы в юго-восточной части Северного Азербайджана в начале XX века: социально-экономическое положение, налоговая и земельная политика царизма в уезде в свете различных указов и положений, развитие капиталистических отношений в сельской местности и т. д.

Расположенное на юге Северного Азербайджана Талышское ханство в 1813 году было завоевано царской Россией и вскоре упразднено. На его месте была создана Талышская провинция во главе с комендантом. После вступления в силу указа российского императора Николая I (1825 – 1855 гг.) от 10 апреля 1840 г. на месте Талышской провинции первоначально было образована Шемахинская, а позднее Бакинская губерния, в составе которой и находился в качестве административно-территориальной единицы Ленкоранский уезд. Ленкоранский уезд состоял из пяти полицейские участков. Эти полицейские участки: Сафидаш с центром в Пришибе, Аркиван с центром в Николаевке, Зуванд с центром в Лерике, Ленкорань с центром в Ленкорани, и Астара с центром в Астаре.

Ключевые слова: *Северный Азербайджан; царской Россией; Ленкоранский уезд; социально-экономическое положение.*

В начале XX в. уровень развития различных отраслей сельского хозяйства в Ленкоранском уезде распределялся крайне неравномерно. Эта особенность сформировалась ещё в последней четверти XIX в., когда российский капитализм поставил экономику национальных окраин в зависимое от себя положение. Азербайджан превратился в сырьевой придаток России и рынок сбыта для российской продукции. Развивались лишь те отрасли промышленности, которые приносили выгоду российской промышленности.